

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ САМУРАЙСКОГО СОСЛОВИЯ

М.С. Гамалей

Кафедра цивилизационного развития Востока
Отделение востоковедения

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Малый Трехсвятительский пер., 8/2, Москва, Россия, 109028

В статье рассматривается влияние изменений в социальном и политическом положении военного класса средневековой Японии на содержание идеалов и ценностей культуры самураев. Особое внимание автор уделяет процессу формирования провинциальной военной администрации в период правления сёгуната Муромати. Изменение функций военных наместников и земельных администраторов анализируется как фактор, определивший характер трансформации социальных традиций самурайства XV–XVI вв. Также автор освещает особенности социальной идентификации военных домов относительно других сословий японского общества.

Ключевые слова: Япония, самураи, сёгунат Минамото, дзито, сюго, сёгунат Асикага, период сэнгоку дзидай, Ода Нобунага (1534–1582), Тоетоми Хидэеси (1537–1598), Общество Иисуса.

Необходимость оценки современного состояния и перспектив развития Японии перед вызовами глобального мира делает актуальным изучение проблем формирования ее цивилизационного своеобразия.

Среди стран так называемого «конфуцианского культурного региона» Японию отличает почти 700-летнее пребывание у власти военного сословия, тесно связанного с генезисом основных паттернов японской цивилизации.

Классическая политическая модель Японии характеризуется существованием различных форм институализированного дуального правления, развившихся как следствие компромисса между исконной родовой и китайской бюрократической организацией (1).

Начиная с V в. постепенно возрастало политическое влияние *гайсэки* – родственников правителя по материнской линии (2). В IX в. реальная власть оказалась сконцентрирована в руках регента *сэссе*: или канцлера *кампаку* (3) из семейства Фудзивара.

Поскольку сыновья императоров воспитывались в доме матери, старшие родственники-мужчины *гайсэки* получили возможность контроля над наследниками престола и, в будущем, правителями (4), даже когда представители Фудзивара не занимали высшие должности.

В конце XI – XII вв. японская политическая история переживает новый виток эволюционного развития.

Пытаясь выйти из-под «опеки» регентов, император Госандзе (1068–1073), не связанный узами родства с Фудзивара, установил новую систему правления отрекшихся императоров *инсэй* (5).

Усиливающееся противостояние аристократических группировок вокруг регентов и государей-инок, а также значение иммунных поместий *се:эн* для экономической жизни постепенно превращали самураев – воинов и поместных администраторов – в активных участников политического процесса.

Своеобразным Рубиконом на пути эволюции военного сословия стал мятеж 938–940 гг. под предводительством Тайра-но Масакадо (?–940). Масакадо удалось консолидировать силы Тайра в *Канто*., а в 939 г. он объявил себя «новым императором» (*синно*.) (6). Мятеж был подавлен коалицией военных домов, в которой ведущую роль сыграл Тайра-но Садомори. В западной Японии в 939–941 гг. вспыхнул мятеж Фудзивара-но Сумитомо, подавленный при участии Минамото-но Цунэмото (917–961). Эти смуты проложили дорогу к власти для военных домов, получивших в награду земли и высокие титулы (7).

В XI–XII вв. самураи учились у своих покровителей искусству политики и придворных интриг. Необходимо отметить, что нередко *букэ* меняли покровителей, а представители одного семейства оказывались в бою по разные стороны (8). Военная, экономическая и политическая выгода от союза была тем критерием, которым руководствовались самураи в выборе стратегии развития и выживания.

Постепенно среди них выделились два наиболее могущественных дома. Тайра (Хэйкэ) – «зубы и когти» (*со:га*) экс-императоров; и Минамото (Гэндзи), представлявших интересы регентов.

После разгрома в начале 1160 г. восстания годов Хэйдзи (9) семейству Тайра удалось устранить из борьбы Гэндзи и укрепить свое положение при дворе. В 1166 г. глава дома Тайра-но Киёмори (1118–1181) благодаря браку старшей дочери установил контроль над значительной частью поместий Фудзивара (10). В 1178 г. его вторая дочь, жена императора Такакура (1163–1181), родила сына, который через два года начал «правление» под именем императора Антоку (1180–1185). Киёмори смог занять пост регента, достигнув пика придворной карьеры. Однако при всей своей амбициозности Тай-

ра-но Киёмори предпочел воспользоваться традиционными схемами контроля правящего рода.

Династия регентов-аристократов сменилась другой династией – регентов-самураев.

Историю дома Хэйкэ стоит рассматривать не как начало самурайского правления, а как завершение эволюции политических структур классической Японии. Западные, более «цивилизованные» с точки зрения двора, военные дома, стремились не институализировать новый статус, который им дала военная сила, а стать частью придворной аристократии. В пользу этого говорит и отражение в источниках представлений о происхождении от императоров и Масакадо (11) и Киёмори (12) как легитимном основании и объяснении претензий военных лидеров на верховенство.

В 1180 г. Минамото-но Еритомо (1147–1199), используя двор и военные семейства, недовольные возвышением Тайра, поднял мятеж в Канто, переросший в войну Гэмпэй (акроним от Гэндзи и Хэйси) и завершившийся полным разгромом в 1185 г. коалиции Тайра. Как и предшественники, Еритомо стремился власти.

Уже в начале 1180-х гг. ему удалось создать в Канто: независимый от двора альянс, основанный на вассально-ленных отношениях. Но Еритомо был не настолько политически наивен, как Масакадо, создававший в своих владениях копию киотоской администрации. Не покушался он и на единственный источник легитимации верховенства, признававшийся всеми силами, участвовавшими в политической гонке, – императора.

В 1190–1192 гг. Еритомо утверждает новую систему дуального правления – сёгунат или *бакуфу* – с центром в г. Камакура. При *сегуне* создавалась собственная администрация, что делало его гораздо ближе к *инсэй*. Но при этом сохранялись все уже существовавшие институты императорской власти, роль которых в принятии практических решений и управлении страной была сведена к минимуму (13).

Причиной поиска Еритомо поддержки двора американский историк Дж.К. Харст III считает ограничение его возможностей как феодального правителя, действие концепции *кисю* («происхождения»). Статус отца и деда помогли ему выстроить иерархию вассалов в восточных землях, но ограничивали возможности контроля над близкими родственниками (14).

Используя свой образ «справедливого мятежника» (15), он при поддержке двора сумел сохранить власть и авторитет, полученные в *Канто*., и встроить новый тип социально-политической организации в уже существующую систему государственного устройства, получив официальное признание своих прав и силы.

Однако мы можем отметить, что социальное сознание самурайства, сложившееся в рамках концепции дома *иэ* к концу XII–XIII в., ориентировалось на создание малых децентрализованных объединений и не позволяло создавать крупные корпорации с продолжительным жизненным циклом.

Единственной доступной самураям формой общегосударственной идеологии оставалась система императорского государства, фундаментальными основами которой являлся императорский род как исходная точка построения иерархии (16). Поэтому «консервативность» Еритомо можно считать скорее формальностью, данью традиции.

Независимое правление первой династии сегунов оказалось недолговечным. Самосознание самурайства еще было подвержено «болезням роста», находясь в зависимости от аристократической культуры. А младшее поколение Минамото, руководившее войсками в сражениях Гэмпэй, было слишком многим обязано союзникам и в Киото, и в *Канто*:. В 1199 г. при *Хо:дзе:-но* Токимаса (1138–1215), тесте Еритомо (17), контроль над военным правительством перешел к регентам *сиккэн* («хранитель власти») из семейства *Хо:дзе*:.

Демонстрируемую первым *бакуфу* устойчивость политического влияния *гайсэки*, которая в той или иной форме проявлялась в жизни Японии, можно объяснить спецификой концепции власти и управления в аристократическом обществе. Американский исследователь П. Никерсон полагает, что наибольшее значение имели имущественное или политическое право и матрилокальность.

Корпорации раннего средневековья могли строиться только на союзе между зятем или приемным сыном, имевшим законные притязания на собственность или власть, и его родственниками по материнской линии, данного права лишенными, но способными оказать необходимую поддержку и защиту (18). Это не позволяло полностью избежать конфликтов, но смягчало их течение и последствия, обеспечивая некоторую социальную стабильность.

Естественная эволюция самурайского государства была прервана в конце XIII в. Отражение монгольских вторжений 1274 и 1281 гг. стало событием, ранее не известным в военной истории Японии. У сёгуната не было источников возмещения расходов на подготовку к отражению внешних атак и на возвращение долгов влиятельным домам (19).

Немаловажной причиной роста недовольства *бакуфу* Камакура было нарушение традиционной практики вознаграждения *буси* за участие в сражениях (20). Не улучшили экономическое положение *бакуфу* и стихийные бедствия. Таким образом, семейство *Хо:дзе*:, не сумевшее разрешить кризис, лишилось поддержки значительной части самурайства.

Поводом к выступлению против камакурского правительства послужила борьба придворных фракций вокруг порядка передачи императорского престола между двумя линиями наследников. *Бакуфу* также переживало тяжелое время. После правления сиккэна Садатоки (1271–1333) усилилось влияние группы *миутибито* – личных вассалов семьи *Хо:дзе*:. Военизированные отряды и банды *акүто*: («плохие отряды») в провинциях демонстрировали слабость сёгуната Камакура конца XIII – начала XIV в. Также деста-

билизировало ситуацию ущемление Ходзе: интересов других самурайских родов при назначениях на должности.

Разногласия в *бакуфу* совпали с подъемом престижа *синто*., а вместе с ним института императорской власти и двора (21).

В 1318 г. к власти пришел император Годайго (1288–1339), обладавший сильным и независимым духом, а пост сиккэна в 1316 г. занял *Хо:дзе:-но* Такаоки (1303–1333), человек «...легкомысленный в своих поступках», находивший «удовлетворение лишь в собственных прихотях...» (22).

Назревшие политические и экономические противоречия втягивали *бакуфу* и самурайское сословие в развивающийся конфликт.

Император, сумевший выгодно использовать недовольство самураев правительством, спровоцировал в 1331 г. начало масштабной гражданской войны. Судьбу императорского мятежа решил переход в 1332 г. на сторону роялистских сил Асикага Такаудзи (1305–1368) и Нитта Есисада (1300/01–1338). И Нитта, и Асикага являлись боковыми ветвями Сэйва-Гэндзи, что давало им формальные основания претендовать на верховенство в социально-политической системе, установленной Еритомо (23).

В период 1333–1336 гг., так называемых реставраций Кэмму (*Кэмму-но синсэй*) (24), Годайго ненадолго удалось восстановить императорское правление. Он действительно проявил себя как решительный политик. Но выбранный им курс не соответствовал ожиданиям *буси*, выступившим на стороне Годайго против *Хо:дзе*:. Камнем преткновения стало награждение землями и титулами, при котором предпочтение отдавалось родовой аристократии, невзирая на реальное участие в военной компании (25).

В 1335 г. Асикага Такаудзи, недовольный тем, что ему не был предоставлен титул *сэйтай сегун* и пожалованы земли, обосновался в Камакура, где начал конфисковать и распределять владения. В 1336 г. при поддержке недовольных *букэ* западных провинций Такаудзи сумел захватить столицу. Годайго со свитой и императорскими регалиями бежал в Есино, а на трон был возведен император *Ко:ме:* (1336–1348). В 1338 г. Асикага Такаудзи получил титул сегуна и основал новое военное правительство. Возникло два императорских двора: Северный двор (*хокуте:*) в Киото и Южный двор (*нанте:*) в Есино. Но даже после их объединения в 1392 г. третьим сегуном Есимицу (1358–1408) японское государство так и не могло преодолеть усиливавшихся тенденций к децентрализации.

Политика второго *бакуфу* строилась на постоянном поиске и привлечении на свою сторону союзников из числа влиятельных военных домов, стремившихся сохранить и преумножить захваченные в ходе династических войн земли. Асикага были вынуждены постоянно идти на уступки и лавировать между интересами *кэммон* – крупных *букэ*, аристократов и буддийских храмов. Одной из основных проблем сегуната Асикага стал контроль собственных вассалов.

Важнейшим средством регулирования отношений между сегунами и вассалами были назначения на должности *сюго* («защитник», военный гу-

бернатор) – представителей *бакуфу* в провинциях – и *дзито*: («земельный управляющий»). Институт *дзито*: сложился еще в период Хэйан. Это были держатели частных участков (26), которые добровольно включали их в состав иммунных владений, но продолжали управлять хозяйством, выплачивая владельцам *се:эн* налог. В 1185–1190 гг. *дзито*: превращается в официальную должность, назначение на которую утверждается сегуном. Так, один из первых указов Еритомо связан с назначением Корэмунэ (Симадзу) Тадахиса (?–1227) управляющим конфискованными владениями святилища в Исэ (27).

Пост *сюго* был введен около 1190 г. для укрепления вассальной иерархии и защиты интересов владельцев *се:эн* (28). Военный губернатор назначался из числа *гокэнин*, которые получали за службу земельные пожалования (*сере*). При этом старые органы императорской провинциальной администрации не были упразднены и главы провинций *кокуси* сосуществовали с военной администрацией. В 1232 г. был принят кодекс «Госэйбай сикимоку» («Судебные предписания правительства», 1232 г.), который запрещал *сюго* вмешиваться в работу провинциальной администрации и получать доход с земель. Их обязанности ограничивались формированием военных сил в провинции, охраной дворцов сегуна и императора, исполнением судебных и правоохранительных функций. *Дзито*: предписывалось руководить вверенными землями и обеспечивать поступление налогов владельцам *се:эн* (29).

Это первый документ, в котором нормы обычного права военных домов обрели форму письменного закона. А.А. Толстогузов пишет, что «кодекс имел целью укрепление публичного характера военной власти по отношению к императорскому правлению... и по отношению к своим вассалам, ибо теперь личные отношения с ними расширились до публичного уровня» (30).

Сёгунат Асикага сохранил институциональную структуру правительства *Минамото-Хо:дзэ*:. Существенные изменения претерпел институт *сюго*, обозначив новую ступень эволюции военного правления. В условиях династического противоборства требовалось узаконить новый курс правительства и содержание отношений между военным правителем и вассалами.

В 1336 г. был принят новый кодекс «Кэмму сикимоку» («Уложение годов Кэмму»), который связывал воедино новый дискурс военного правления и государственную традицию (31). Сложившаяся тождественность функций *сюго* и *кокуси* официально закрепляется в ст. 7 кодекса (32). В 1346 г. *сюго* получали право устанавливать отношения с *акуто*: в провинции и ведать конфискацией и распределением земель по указу *бакуфу* (33).

В первое десятилетия своего правления сёгунат Асикага пытался сдерживать рост влияния и благосостояния военных губернаторов (34). Однако принимаемые меры не возымели успеха. Уже в 1352 г. был принят закон, который позволял *сюго* оставлять себе половину от собранных налогов (*хандзэй*) (35). В 1368 г. наместникам поручалось управление императорскими землями и владениями *сэкан* Фудзивара, а так же контроль над владениями святилищ и храмов.

Несмотря на запреты правительства, владельцы *се:эн*, проживавшие в Киото, делегировали *сюго* права на сбор и доставку налогов с имений (36). В совокупности это привело к возникновению экономической зависимости придворной аристократии от влиятельных чиновников.

В качестве шага, призванного усилить значение нового сёгуната как централизованной властной структуры, дворец сёгуна и его администрация были перенесены в Киото.

Перенесение политического центра в древнюю столицу являлось важным символическим шагом. Американский исследователь К. Гроссберг отмечает, что этот шаг отражал не только традиционное использование авторитета *кугэ* и институтов «государства законов» сёгунами Асикага для легитимации своей власти. Но таким образом самурайская элита XIV–XV вв. обозначала и осознала себя как часть аристократии – «демилитаризованных... городских, гражданских правителей» (37). От *сюго* провинций, расположенных между Кюсю и *Канто:*, также требовалось постоянное проживание в столице. Покинуть город можно было только по распоряжению сёгуна и оставив вместо себя детей и жену (38). Для бакуфу это был один из путей борьбы с растущим региональным сепаратизмом военной элиты.

Впрочем, высшие чиновники сёгуната сами стремились в Киото. Это давало возможность участвовать в принятии политических решений, вступать в борьбу за придворные титулы и вести дела с торговыми гильдиями. Сёгун и его приближенные стремились во всем сравняться с аристократическим сословием *кугэ*.

Парадоксально, но меры, которые были призваны ограничить самостоятельность вассалов *бакуфу*, по большей части только приближали политический распад страны. Власть *сюго* в провинциях опиралась на институт заместителей *сюгодай* и управляющих *дзито:* (39).

Зачастую наместники назначались в провинции, в которых у них не было «корней», или в несколько провинций, что вынуждало их опираться на провинциальную военную элиту – *кокудзин* («люди из провинции»). Местное самурайство использовало связи с чиновниками сёгуната для увеличения собственных владений.

Во владениях *сюго* выстраивалась сложная социально-политическая иерархия, основанная на крепких вассально-ленных связях. Однако отсутствие самого главы провинции и неразвитость путей сообщения между центром и периферией привели к тому, что связи внутри провинциальной администрации военных домов были более крепкими, чем между *сюго* и его подчиненными.

Начиная с правления Есимицу должность наместника бакуфу в провинциях стала наследственной. *Сюго* назначались лишь из представителей одиннадцати воинских домов (40), главы которых представляли собой новый для Японии тип феодалов – *дайме:* или *сюго дайме:*, обладавших основанной на должностных правах властью и военно-политическим могущест-

вом. Политика лавирования и уступок Асикага и различные формы регионального сепаратизма привели к разделению публичной (бюрократической) и частной (феодальной) власти.

Противостояние семей *сюго дайме*: стало тем сдерживающим фактором, который не позволил укрепить новой форме регентства. Сегун стал высшим представителем государственной власти, в то время как император являлся сакральным правителем. Однако, несмотря на все усилия *бакуфу*, значение вертикальных связей между государственным лидером и *сюго*, как чиновниками *бакуфу*, оказалось более низким, чем горизонтальных, основанных на отношениях между *сюго* и провинциальными вассалами.

Сегун Асикага Есинори (1428–1441) предпринимал попытки ослабить влияние *сюго дайме*: Вынуждая наместников бороться между собой и с влиятельными домами собственных провинций, в выборе методов сегун доходил вплоть до конфискации владений и казней *сюго*. Еще при четвертом сегуне Есимоти (1394–1428) Харима, одна из трех провинций, находившихся в управлении Акамацу Мицусукэ (1381–1441), была конфискована, но позже возвращена владельцу. В 1441 г. прошел слух, что Есинори хочет лишить Акамацу владений, и Мицусукэ убил сегуна. Убийца был наказан Ямана *Со:дзэн* (1404–1473), получившим власть над землями Акамацу.

Это нарушило баланс между военными домами Ямана и Хосокава, члены которых занимали высшие должности в сегунате Муромати (41). В 1465 г. разгорелся спор вокруг фигуры преемника сегуна Асикага Есимаса (1449–1464). Претендентами являлись его младший брат Есими (1439–1491) и новорожденный сын Есихиса (1465–1489) (42).

Ситуация, в которой правитель оказался слаб, а альтернативный претендент был еще недееспособен, как нельзя лучше подходила для попытки взять под контроль дом Асикага. Борьба Хосокава и Ямана за контроль над сегуном вылилась в десятилетнюю войну годов *О:нин* (1467–1477), развернувшуюся непосредственно в столице Японии и окрестностях. К 1473 г. не было ни одного значительного самурайского семейства, не задействованного в войне. Спустя десятилетие, за которое был уничтожен фактически весь город, война выплеснулась в провинции, положив начало гражданским войнам *сэнгоку дзидай* – «периоду сражающихся провинций» (43).

Ослабление крупных воинских домов *сюго дайме*: позволило их вассалам вступить в борьбу за обладание землями бывших сюзеренов. Накануне столетия гражданских войн в Японии насчитывалось порядка 260 воинских домов, из которых к началу XVII в. сохранилось около двенадцати (44). *Дзито*:, укрепившие свое положение в качестве администраторов провинций и являвшиеся для *кокюдзин* видимой вершиной вассальной иерархии, приступили к сбору земель под своей властью. Удельных князей, вышедших на историческую арену в период между 1467 и 1560 гг., в историографии принято называть *сэнгоку дайме*..

Вместе с появлением обособленных феодальных владений все более и более падал престиж императорского двора и правительства сегуна. Княже-

ства *дайме*: представляли собой образования, независимые от центра в политическом и экономическом планах. И впервые в истории феодальной Японии пошла борьба не за контроль над верховным правителем государства в лице императора, а за право властвовать от собственного имени. Это стало революционным изменением в политической и социальной культуре Японии и самосознании самураев.

Многие влиятельные феодалы периода гражданских войн поднимались по социальной лестнице из среды *дого*: или *дзидзамурай* («деревенских самураев») – низшего слоя провинциального самурайства, непосредственно вовлеченного в сельскохозяйственное производство.

Это было проявлением масштабного процесса социальной реорганизации, носившего название *гэкокудзе*: – «низшее побеждает высшее».

Гэкокудзе: не был порождением охватившего страну хаоса. Гражданские войны и принесенная ими нестабильность в сочетании со стремительными и радикальными переменами послужили своеобразным катализатором, расширили социальную базу процесса и сделали более заметным результат.

Произошло нивелирование таких базовых категорий политической культуры, как родственные связи с императорской семьей и благородное происхождение, место в иерархии бюрократического аппарата. Американский историк М.Е. Бэрри именуется новое социокультурное пространство Японии XV–XVI столетий «культурой беззакония» (*culture of lawlessness*) (45).

В горниле междоусобных войн возник новый порядок, который опирался на богатство и собственность как основополагающую социальную ценность и определялся независимостью законности от формальных институтов как способа политической организации (46).

В этих новых системах социокультурных координат *сэнгоку дайме*: искали и ценили в своих вассалах и союзниках больше всего военную и экономическую эффективность и личную преданность (47). А наибольшим достоинством самих *дайме*., находившихся под действием тех же факторов социально-политического развития, стала способность держать под контролем своих вассалов.

Для обеспечения искомой эффективности и преданности вводится простая и эффективная система *кандака*. Ценность земельного надела выражалась в денежных единицах – *кан*.

Количество *кан*, собираемое с земель лена, определяло размер военной силы, которую должен был предоставить вассал по требованию сюзерена в случае необходимости. Эта система устанавливала прямую взаимозависимость между доходом и службой вассала (48).

Система *кандака* обеспечивала вассалу постоянный доход и достаточно большую степень самостоятельности, а сюзерену давала возможность оценить эффективность действий вассала и контролировать его лояльность. Безусловно, даже самая действенная система административного контроля

не исключала полностью возможность предательства, что было вполне обычной нормой среди вассалов и *дайме*: периода *сэнгоку*, признававших «военную силу как единственный закон» (49).

Пятнадцатое столетие вывело на арену японской истории крестьянство – сословие до этого времени хоть и самое многочисленное, но отстраненное от активного участия в политической жизни. В среде сельского населения процесс обновления протекал в двух основных направлениях.

Во второй половине XV в. интенсивность боевых столкновений и конфликтов приводила к тому, что военное дело становилось все более профессиональной, специализированной сферой деятельности. Самураи постепенно отстранялись от непосредственного участия в сельских работах. С другой стороны, сословная структура еще не была жестко регламентирована, и зажиточный земледelec, приложив усилия, мог влиться в ряды *дзидзамурай*.

В период гражданских войн самурайское сословие постоянно пополнялось за счет наборов пехотинцев *асигару* («легконогие») из числа крестьян (50). Эти легковооруженные воины являлись основной силой армий *сэнгоку дайме* и во множестве гибли на полях сражений. Но в то же время, развивая воинские умения, проявляя амбиции и таланты, *асигару* получали шанс стать полноценными членами касты профессиональных военных. И даже могли продвинуться по служебной лестнице, о чем свидетельствует пример Тоетоми Хидэеси (1537–1598).

В то же время вокруг сельской общины начинают создаваться союзы самозащиты *икки*. Эти союзы представляли собой социальные корпорации с преобладающими горизонтальными связями и первоначально создавались для защиты сельского самоуправления от угрозы со стороны административного аппарата *дайме*: и сил *сёгуната*. С 1428 г. от пассивной защиты *икки* переходят к мятежам, используя петиционное движение – основную тактику буддистских монастырей.

Анализируя причины выступлений, американский политолог Д. Уайт отмечает, что в XV–XVI вв. 92% выступлений носили социальный характер, 6% – перерастали в политический протест, при этом только 1% был вызван политическими причинами (51).

Икки превратили крестьянство в мощную, хорошо организованную силу, которая уже осознавала себя как не пассивного созерцателя бесконечных войн самураев, а как полноправного участника происходящих в стране событий. *Сэнгоку дайме*: заботились о крестьянских корпорациях, расценивая их как источник экономического благополучия, обеспечивающего функционирование системы *кандака*, и столь же необходимых человеческих ресурсов для пополнения личного состава армий.

Наибольших успехов достигло восстание *икки* в альянсе с сектой *Дзе:досин-сю*: («Новая школа буддизма Чистой Земли») или *Икко:-сю*:. *Икко*: обладали и большими средствами, полученными от торговли с Китаем, и мощной, боеспособной армией (52).

В 1485–1521 гг. монахи *Икко*, объединив свои силы с крестьянским движением *икки*, смогли утвердить свою власть в провинции Кага, пытались распространить свое влияние и в провинции Микава. Примечательно, что *Икко*: не стали создавать владение по типу княжеств *дайме*:. В пределах территории, подчиненной храму, действовал порядок распределения земель и сбора налогов, установленный в государстве *рицуре*: (53).

Новый социально-политический порядок периода *сэнгоку* позволил духовенству установить статус правящей элиты, не ограниченной императорскими законами (54). Используя накопленные за время торговли с Китаем средства, а также являясь крупными земельными собственниками, буддистские монастыри могли себе позволить содержать и обеспечивать хорошо вооруженные отряды воинов, сравнимые с дружинами *дайме*:.

Обладея авторитетом и военной силой, монастыри захватывали земли в провинции, создавая теократические республики и княжества. Кроме того, многие *дайме*: принимали монашеский постриг, чтобы привлечь столь важный в экономическом и идеологическом планах ресурс, как поддержка со стороны буддийских сект.

В период Асикага монастыри *дзэн* оставались основным источником доступа к инновациям китайской и корейской культур. Монахи *Риндзай* принимали активное участие в торговле и дипломатических отношениях с континентальной Азией (55). В результате монастыри этой секты приобрели положение интеллектуальных центров эпохи. В XVI в. центр экономической и проповеднической деятельности из Киото переместился в провинциальные *дзэнские* общины. Монахи буддистских сект присутствовали в свите фактически всех наиболее влиятельных *дайме*: (56).

С другой стороны, наличие фактически неконтролируемой влиятельной силы, которую представляли собой буддийские монастыри, не отвечало интересам политической элиты Японии. В середине XVI в. выделившиеся среди феодальных князей лидеры начали процесс консолидации государства. Основными помехами объединения страны под единым началом являлись *дайме*: юго-западных провинций и теократические государства буддийских сект.

Объединение Японии связано с именами трех человек: Ода Нобунага (1534–1582), Тоетоми Хидэеси и Токугава Иэясу. После продолжительных военных кампаний, разбив войска основных конкурентов, в 1568 г. Ода Нобунага, *дайме*: провинции Овари, смог захватить Киото. Начало процесса централизации Японии было связано с тремя основными направлениями деятельности Ода: борьба с монастырями и сектами, восстановление традиционных институтов государственной власти (*сёгунат* и двор) и умирение восточных провинций.

Благоприятным фактором стало установление торговых и культурных контактов со странами Запада. В 1542–1543 гг. в Японию прибывают первые португальские купцы. Вследствие фактически полного прекращения официальных контактов между Японией и Китаем в XV в. они взяли на себя роль

торговых посредников. Находясь раз в году в Японию караке (*carraca*) доставлялись товары, традиционно импортировавшиеся Японией из Китая и Кореи (57). Из европейских товаров наибольший спрос возник на огнестрельное оружие.

Появление в Японии мушкетов изменило традиционные формы ведения боевых действий. Не требовалось тратить несколько лет на обучение воина боевым искусствам и стрельбе из лука: достаточно было научить его правильно заряжать мушкет и стрелять в нужную сторону.

Наборы *асигару* в армии стали массовым явлением. В 1555 г. в армии Такэда Сингэн (1521–1573) было всего 300 стрелков, а в 1571 г. он уже так оценил использование огнестрельного оружия на поле боя: «Отныне ружья станут самым важным оружием. Посему сократите количество копий [в ваших войсках], и пусть самые способные воины имеют ружья» (58).

Гораздо менее сдержанно, чем огнестрельное оружие, в Японии было принято и оценено христианство. Успехи первой миссии воодушевили иезуитов. Большое значение для укрепления позиций христианства в Японии имело крещение в 1562 г. *дайме*: *О:мура* Сумитада (1533–1587), получившего имя дон Бартоломео (Bartolomeu). В 1571 г. *О:мура* передал в аренду миссионерам порт Нагасаки, ставший основной перевалочной базой внутренней и внешней японской торговли (59).

Появление европейцев в Японии оказало заметное влияние на ход ее истории. Однако сильного воздействия христианское учение на духовную жизнь Японии XVI в. не оказало. Долгое время проповедников Общества Иисуса привечали при дворе и Ода, и Токтоми. В лице Ода Нобунага христианство получило мощную поддержку. Нередко во дворце Ода, построенном им в замке Адзуты, проводились диспуты с участием буддийских и христианских проповедников (60). *Дайме*: посещал проповеди и службы в католическом храме Киото, но сам не стремился принять христианство. Это был скорее политический ход, необходимый для ослабления влияния буддийского духовенства, борьбы с теократическими княжествами, экстремизмом школы Нитирэн и восстанием *Икко:-икки*.

В 1570 г. Нобунага начал кампанию против монастыря Энрякудзи, который принадлежал школе *Тэндай* («секта Сутры Лотоса»). Монастырь обладал огромными финансовыми и земельными ресурсами и большой армией. Миссионер Луиш Фройш (1532–1597) отмечал, что «сеньоры и князья из различных земель Японии, когда собирались вести войну, приезжали в Киото и договаривались с бонзами... и они участвовали в войнах за деньги... Эти монахи очень искусны, особенно в обращении с луком и ружьями...» (61). Подобный альянс военного и финансового превосходства и положения, близкого к императорскому двору, представлял серьезную угрозу для планов Нобунага.

В 1571 г. войска Нобунага взяли штурмом монастырь и сожгли его, убив всех жителей Энрякудзи. В 1572 г. ему удалось уничтожить режим *Икко:-икки* в провинциях Кага и Этюдзэн, где они правили почти сто лет.

В 1580 г. после длительной осады сдался храмовый комплекс Хонгандзи, который являлся центральным монастырем «Новой школы буддизма Чистой земли». Монахи *Икко*: еще действовали в некоторых областях Японии, но перестали быть столь мощной политической силой. Таким образом, завершился длительный период господства *кэммон* в японской истории.

В отечественной историографии закрепилось представление о политических причинах борьбы Ода с монастырями, продиктованных его честолюбием (62). Хотя это вполне согласуется с общей парадигмой эпохи воюющих провинций, мы можем отметить, что на пути унификации государства все ресурсы укрепления личной власти оказались исчерпаны. Политическая культура Японии требовала поиска принципиально новых путей легитимации.

Профессор Калифорнийского университета Г. Оомс полагает, что в конце XVI – начале XVII в. они были найдены в религиозных институтах. По его словам, «...военная сила, основной инструмент доминирования, преобразилась через слияние с сакральной политической властью религиозного характера» (63). Для Ода, на долю которого выпала функция не столько созидания, сколько разрушения «культуры беззакония», таким институтом стало христианство.

Более неоднозначными явились действия Ода в вопросе реставрации административной системы. В 1568 г. Нобунага помог занять пост сегуна Асикага Есиаки (1537–1598), а в 1573 г. изгнал сегуна из столицы, фактически положив конец правлению Асикага. Но сам Ода титул *сэйти тай сегунн* не принял, удовлетворившись высокими придворными рангами и должностями (64). По мнению К. Тотмана, этот шаг происходил из стремления доказать, что превосходство над другими *дайме*: и право на власть Нобунага заслужил собственными талантами, навыками военной и политической борьбы (65). С правлением Ода завершилась целая эпоха исторического развития Японии и военно-феодалного сословия.

Смерть не позволила Ода полностью завершить «умиротворение» страны. Это выпало на долю его преемника – Тоетоми Хидэеси. При Тоетоми начался процесс институализации воинского сословия. Во многом он придерживался курса своего предшественника.

Так, в 1585 г. он получил титул *кампаку*, достигнув высшей точки в придворной политике. К 1590 г. были подавлены последние очаги сопротивления в Канто, и в руках Хидэеси оказалась вся страна. В 1592 г. он передал пост своему племяннику, а сам принял титул *тайко*: (кампаку в отставке).

Мы не можем точно сказать, почему Тоетоми не основал новый сёгунат. На фоне успехов при дворе и экономического потенциала для продолжения этой «карьеры» версия о слишком низком происхождении (66) недостаточно убедительна.

На наш взгляд, гораздо больше ответов дает проводимая *Тайко*: внешняя политика. Новый военный лидер видел себя претендентом на «миро-

вое», по японским меркам, т.е. восточноазиатское господство. Планы, подвигнувшие *кампаку* на начало корейских походов 1592–1598 гг., должны были завершиться созданием империи, центр которой бы находился в Китае. При этом Тоэтоми видел себя правителем на материке, а его преемник должен был управлять Японией (67).

В 1587 г. *кампаку* начал антихристианскую кампанию. Эдикт предусматривал запрет на массовые крещения по приказу княжеской администрации и контроль богатых последователей христианства (68). На первоначальных этапах соблюдение эдиктов против европейской религии строго не контролировалось. Меры против распространения христианства, постепенно становившиеся все более жесткими, стали важным шагом на пути сакрализации самурайской власти. В целом «сотрудничество» с миссионерами больше не требовалось. Скорее, христианство, последователей которого было больше на Кюсю, чем в континентальной Японии, начало носить оппозиционный характер.

Также в 1588 г. Хидэеси издал указ о конфискации оружия у крестьян и горожан (69). Начало так называемой *катанагари* – «охоты за мечами» – положило начало процессу монополизации военной силы самурайством и законодательно закрепленной дифференциации сословий.

В 1591 г. был издан эдикт, разделявший крестьян и самураев на различные профессиональные группы. М.Е. Бэрри характеризует его как беспрецедентное для Японии явление: «Человек, прошедший самостоятельно путь от крестьянина до правителя страны... устанавливает социальные ограничения по профессиональной деятельности, выражая их в терминах политического государства» (70).

В меньшей степени указы Хидэеси касались горожан, без разделения на ремесленников и купцов. Во многом это можно объяснить их участием в конвертации имущественных ценностей самураев в видимую демонстрацию властного и военного могущества: деньги и предметы роскоши.

Постепенно зависимость крестьян от земли, на которой они проживают, а самураев от сюзеренов обретает институциональный характер. Однако окончательное формальное закрепление данного социального устройства произойдет уже в правление Токугава.

Таким образом, социогенез XII–XVI вв. в равной степени отражает и определяет изменения в социальном сознании *буси*. Воинское правление сохраняет традиционный для политической культуры дуальный характер власти. В эпоху первого сёгуната он был представлен системой регентства, характерной для государства хэйанской аристократии. В период сёгуната Асикага он выразился в сосуществовании двух властных структур: централизованного государственного аппарата, возникшего при слиянии политической элиты *буси* с *кугэ*, и провинциальных феодальных княжеств, основанных на экономическом сотрудничестве и вассально-ленных связях.

Переломным моментом, завершившим эволюцию воинского сословия как самостоятельной политической и экономической силы, явилась эпоха

междоусобных войн XV–XVII вв. Ослабление прежних институтов, опора на личный авторитет *дайме*: и его дома привели к формированию сословного самосознания самураев. В рамках групповой идентичности военно-феодалного сословия наибольшую ценность приобрели воинские и управленческие умения и навыки, которые выражались в богатстве и способности держать под контролем вассалов. Процесс распада императорского государства и системы владетельных домов *кэммон* позволил самураям дифференцировать себя как от высших групп *кугэ*, так и от нижестоящих крестьянства и зарождающейся общности горожан.

В отношении же с духовенством проявляется ослабление зависимости положения в иерархии от социокультурных маркеров, характерное для общества предшествующих эпох. В периоды Камакура и первой половине правления Асикага аристократия и духовенство занималось составлением и сохранением морали, этики и истории самураев. Начиная с периода сэнгоку и особенно в период Адзуты-Момояма проявляется стремление самураев взять контроль над идеологией.

Таким образом, самурайское сословие завершает процесс утверждения своего политического верховенства, элитарности и культурной обособленности. Происходит формальное закрепление отчуждения самураев от «материнских» сред *кугэ* и сельской общины.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Место и роль в иерархии определялось принадлежностью к родовой группе (*удзи*) и выражалось наследственным титулом (*кабанэ*) главы рода.
- (2) The Cambridge History of Japan. – Cambridge, 2008. – Vol. 1. – P. 145.
- (3) Фактически *кампаку* так же являлся регентом. Если *сэссе*: правил при малолетнем императоре, то *кампаку* при взрослом. Зачастую, по мере взросления подопечного, регент принимал пост канцлера. Оба титула объединяются акронимом *сэккан*.
- (4) *Мецзяков А.Н.* Японский император и русский царь: элементарная база. – М., 2004. – С. 43.
- (5) *Sansom G.B.* A History of Japan to 1334. – Stanford, 1958. – Vol. 1. – P. 199–200.
- (6) Записки о Масакадо («Семонки», сер. X в.) // Япония в эпоху Хэйан (794–1185) / Сост. и пер. М.В. Грачева. – М., 2009. – С. 127.
- (7) Там же. – С. 130–131.
- (8) В *гунки* нередки упоминания смены сторон в ходе противоборства, как знатными людьми, так и провинциальными домами. Например: «Сигэеси из Авы все последних три года служил Тайра верой и правдой... но когда сын и наследник его Нориеси очутился живым в плену... перешел на сторону Минамото». Повесть о доме Тайра / Пер. И. Львовой. – М., 1982. – С. 525.
- (9) Годы *Х:гэн* длились с 1156 по 1159; годы Хэйдзи – с 1159 по 1160.
- (10) *Пасков С.С.* Япония в раннее средневековье. VII–XII века. Исторические очерки. – М., 1987. – С. 151.
- (11) «Масакадо был потомком государя [Камму (781–806). – Г.М.] в пятом поколении и внуком принца Такамоти [потомка государя Камму] в третьем поколении». Записки о Масакадо («Семонки», сер. X в.)... – С. 109.

- (12) *Asakawa K.* Land and Society in Medieval Japan. – Tokyo, 1965. – P. 42.
- (13) *Mass P.J.* Emergency of Kamakura Bakufu // Medieval Japan: Essays in Institutional History / Ed. by J.W. Hall, J.P. Mass. – Stanford, 1988. – P. 144.
- (14) *Hurst III G.C.* The Kōbu Polity: Court-Bakufu Relations in Kamakura Japan // Court and Bakufu in Japan. Essays in Kamakura History / Ed. by J.P. Mass. – Stanford, 1982. – P. 7.
- (15) *Mass J.P.* Yoritomo and the Founding of the First Bakufu: The Origins of Dual Government in Japan. – Stanford, 1999. – P. 79–80.
- (16) *Friday K.F.* They Were Soldiers Once: The Early Samurai and Imperial Court // War and State Building in Medieval Japan / Ed. by J.A. Ferejohn, F. Rosenbluth. – Stanford, 2010. – P. 40.
- (17) The Clear Mirror: A Chronicle of the Japanese Court during the Kamakura Period (1185–1333) / Transl. by G.W. Perkins. – Stanford, 1998. – P. 48.
- (18) *Nickerson P.* The Meaning of Matrilocality. Kinship, Property, and Politics in Mid-Heian // Monumenta Nipponica. – 1993. – Vol. 48. – № 4. – P. 466.
- (19) *Farris Wm.W.* Heavenly Warriors: The Evolution of Japan's Military. – Cambridge, 1992. – P. 335.
- (20) *Conlan Th.D.* In Little Need of Divine Intervention. Scrolls of the Mongol Invasions of Japan. – Ithaca, 2001. – Documents 53–55. – P. 243–253.
- (21) *Накорчевский А.А.* Синто. – СПб., 2003. – С. 318.
- (22) Повесть о Великом мире // Японские самурайские сказания / Пер. В.Н. Горегляд. – СПб., 2002. – С. 17.
- (23) The Clear Mirror: A Chronicle of the Japanese Court during the Kamakura Period (1185–1333) / Transl. by G.W. Perkins. – Stanford, 1998. – P. 219.
- (24) Годы Кэмму 1334–1336/38.
- (25) Повесть о Великом мире... – С. 435–436, 453–455.
- (26) The Cambridge History of Japan. – Cambridge, 2008. – Vol. 3. – P. 60.
- (27) *Mass J.P.* The Kamakura Bakufu: A Study in Documents. – Stanford, 1976. – P. 35–36.
- (28) См.: там же. Сообщения о самоуправстве *дзито*: Minamoto Yoritomo Prohibits Warriors' Outrages and Confirms a Traditional Proprietorship, 1184 // Ibid. – P. 25–26; Kamakura Prohibits Warriors' Usurpation of Jitō titles and Authority, 1184 // Ibid. – P. 31–32; Kamakura Issues a Desist Order to a Favored Retainer and a Local Notable, 1186 // Ibid. – P. 52–53. О нарушениях самураями правопорядка в провинциях: Kamakura Admonishes Its Vassals to Cease Their Lawlessness and Pursue the Enemy, 1185 // Ibid. – P. 27–28.
- (29) Госэйбай сикимоку / Вступ. статья, пер. и коммент. А.А. Толстогузова. // Восток. – 1992. – № 1. – С. 130.
- (30) Там же. – С. 128.
- (31) *Еремин В.Н.* История правовой системы Японии. – М., 2010 – С. 116. Содержание кодекса отражает потребности бакуфу Асикага в то время, как название «сикимоку» подчеркивает преемственность к законам Минамото, а количество статей кодекса (17) устанавливает ассоциацию с так называемой «Конституцией 17 статей» принца-регента *Се:току* Тайси (574–622), предтечи реформ Тайка 645 г. // Там же. – С. 117.
- (32) *Kemmu Shikimoku / Sources of Japan Tradition / Comp Wm. T. de Bary...* [et al.]. – N.Y., 2001. – Vol. 1. – P. 419. Еще в период реставрации Кэмму практиковалось назначение одного человека из аристократической или самурайской элиты как на должность *сюго*, так и на должность *кокуси*.
- (33) *Jansen M.B.* Warrior Rule in Japan. – Cambridge, 1995. – P. 114.

- (34) Increase in the Power of Shugo, 1356 // *Japan: A Documentary History* / Ed. by D.J. Lu. – Armonk, 1997. – Vol. 1. – P. 157–158.
- (35) Adoption of the Law of Sharing Rent (Hanzei no Hō) 1352 // *Japan: A Documentary History*... – P. 158–159.
- (36) *Arnesen P.J.* Provincial vassals of Muromachi Bakufu // *The Bakufu in Japanese History* / Ed. by J.P. Mass & W.B. Hauser. – Stanford. – P. 100.
- (37) *Grossberg K.A.* From Feudal Chieftain to Secular Monarch. The Development of Shogunal Power in Early Muromachi Japan // *Monumenta Nipponica: Studies of Japanese Culture*. – 1976. – Vol. 31. – № 1. – P. 34.
- (38) *The Cambridge History of Japan*. – Cambridge, 2008. – Vol. 3. – P. 207.
- (39) *Davis D. L.* Ikki in Late Medieval Japan // *Medieval Japan: Essays in Institutional History* / Ed. by J.W. Hall, J.P. Mass. – Stanford, 1988. – P. 232.
- (40) *Varley P.H.* The Onin War. History of its Origins and Background with a Selective Translation of the Chronicle of Onin. – N.Y., Lnd., 1967. – P. 32.
- (41) Представители клана Хосокава занимали пост *канрэй*, а дома Ямана – возглавляли *самурайдокуро*.
- (42) *Varley P.H.* The Onin War... – P. 143.
- (43) Период *сэнгоку* считается частью правления сёгуната Асикага (Муромати), находившегося у власти в 1336–1573 гг. Слово «сэнгоку» – калька от Чжаньго («Период Сражающихся царств», 475/403–221 г. до н.э.).
- (44) *Sansom G.B.* Japan: A Short Cultural History. – Stanford, 1961. – P. 404.
- (45) *Berry M.E.* The Culture of Civil War in Kyoto. – Berkeley, 1994. – P. 14.
- (46) *Ibid.* – P. 244.
- (47) *Asakura T.* The «17-Article Testament of Asakura Toshikage» // *Sources of Japan Tradition* / Comp. by Wm. Th. de Barry, D. Keene, G. Tanabe and P. Varley. – N.Y., 2001. – 2nd ed. – Vol 1: From Earliest Time to 1600. – P. 429.
- (48) *Ikegami E.* The Taming of the Samurai: Honorific Individualism and the Making of Modern Japan. – Cambridge, 1995. – P. 138.
- (49) Carta del padre Gaspar Vilela de Iapão... escrita en el año 1560 / Cartas que los Padres y Hermanos de la Compañia de Iesus que andan en los Reynos de Iapon escrivieron... desde el año de 1549 hasta el de 1571. – Alcalá, 1575. – P. 127.
- (50) *Conlan T.* The instruments of Change... // *War and State Building in Medieval Japan* / Ed. by J.A. Ferejohn, F. Rosenbluth. – Stanford, 2010. – P. 143.
- (51) *White J.W.* Ikki: social conflict and political protest in early modern Japan. – Ithaca, 1995. – P. 148.
- (52) *Dobbins J.C.* Jōdo Shinshū: Shin Buddhism in Medieval Japan. – Honolulu, 2002. – P. 90–91.
- (53) *Tsang C.R.* «Advance and Be Reborn in Paradise...» Religious Opposition to political Consolidation in 16th century Japan // *War and State Building in Medieval Japan*... – P. 98.
- (54) *Adolphson M.S.* The Teeth and Claws of the Buddha: Monastic Warriors and Sōhei in Japanese History. – Honolulu, 2007. – P. 54.
- (55) *Wang Y.* Official relations between China and Japan (1368–1549). – Cambridge, 1953. – P. 35.
- (56) *Кабанов А.М.* Формирование системы «Годзан» («Пяти монастырей») и бюрократизация дзэн-буддизма // *Буддизм и государство на Дальнем Востоке*. – М., 1987. – С. 199.
- (57) *Boxer Ch. R.* Four Centuries of Portuguese Expansion, 1415–1825: A Succinct Survey. – Berkley, 1969. – P. 41. По словам Ч. Боксера, «торговый треугольник – Макао, Кантон и Нагасаки... основывался на обмене шелка и золота из Китая на японское серебро и медь».

- (58) *Turnbull S.R.* The Samurai: A Military History. – Lnd., 1999. – P. 140.
- (59) *Fróis L.* Historia de Japam / Ed. Wicki J. (S.J). – Lisboa, 1982. – Vol. II. – P. 232.
- (60) *Ibid.* – Vol. III. – P. 512.
- (61) *Ibid.*, 1983. – Vol. IV. – P. 173–174.
- (62) *Искендеров А.А.* Тоетоми Хидэеси. – М., 1984. – С. 90–91.
- (63) *Ooms H.* Tokugawa Ideology: Early Construct, 1580–1680. – Princeton, 1985. – P. 61.
- (64) В 1568 г. ода получил минимальный придворный ранг, а в 1582 г. должность Главного министра *Дадзе:дайдзин*.
- (65) *Totman C.* Early Modern Japan. – Berkeley, 1995. – P. 41.
- (66) Например, см.: *Искендеров А.А.* Тоетоми Хидэеси... – С. 272; *The Cambridge History of Japan.* – Cambridge, 2008. – Vol. 4. – P. 84 и др.
- (67) *Boscaro A.* 101 Letters of Hideyoshi. – Tokyo, 1975. – P. 31, 43, 46.
- (68) Limitation of the Propagation of Christianity, 1587 // *Japan: A Documentary History* / Ed. by. D.J. Lu. – Armonk, 1997. – Vol. 1. – P. 196.
- (69) The Disarmament of the Populace: Articles // *Sources of Japan Tradition* / Wm. Th. de Bary, D. Keene. – N.Y., 2001. – Vol. 1. – P. 159–160. Эдикт запрещает владение всеми вилами вооружения для крестьян, поскольку они образуют *икки* и забрасывают сельское хозяйство.
- (70) *Berry M.E.* Hideyoshi. – Harvard, 1989. – P. 107.

INFLUENCE OF SOCIO-POLITICAL FACTORS ON THE FORMATION OF SAMURAI VALUES

M. Gamaley

Department of Civilizational Development of the East
School of Asian Studies
National Research University – Higher School of Economics
Maly Tryokhsvyatitelsky per., 8/2, Moscow, Russia, 109028

This article deals with the changes in the social and political position of the military class of Medieval Japan, its influence on the ideals and values of samurai culture. The author pays particular attention to the process of establishing provincial warrior administrations during the Muromachi age, the transformation of *shugo* and *jito* functions that determined the changes in samurai social traditions in the 15th and 16th centuries, and to the specific social identities of warrior houses compared with other groups of Japanese society.

Key words: Japan, Samurai, Kamakura Bakufu, Jito, Shugo, Muromachi Bakufu, Sengoku Jidai period, Oda Nobunaga (1534–1582), Toyotomi Hideyohsi (1537–1598), Society of Jesus.